

— Осторожно! — раздался чей-то вскрик. Задумавшийся Чжун Цзыци почувствовал, как наступил на что-то под ногой, и в следующий миг поскользнулся, откинувшись назад.

Однако ожидаемой боли не последовало. Он открыл глаза — и понял, что его подхватил сзади Чжао Чжэнань. Всё его тело оказалось в его объятиях, тесно прижатое к груди — положение, слишком уж двусмысленное, чтобы не смутиться.

Чжао Чжэнань, увидев, что его «жена» не двигается, встревоженно заговорил:

— Жена? Больно? Ты ушибся?

Чжао Нин тоже подошёл ближе, нахмурившись от беспокойства:

— Ногу не подвернул? Как можно так невнимательно идти!

Чжун Цзыци поспешно поднялся из объятий Чжао Чжэнаня, осторожно пошевелил ногой. Боль была — лёгкая, колото, но не серьёзная.

— Всё в порядке, не болит, не подвернул. Хорошо, что Чжэнань успел меня поддержать.

Трое одновременно облегчённо выдохнули. Чжао Нин тут же принялся ворчать:

— Когда идёшь — смотри под ноги! Как можно быть таким рассеянным? А если бы ты упал — как завтра работать? Кто тогда будет готовить?..

Чжун Цзыци с улыбкой, но устало перебил его:

— Ладно-ладно, понял я, буду смотреть под ноги. Маленький хозяйственник...

Если бы не остановил — тот, пожалуй, продолжал бы поучать всю дорогу.

Чжао Нин недовольно умолк, напоследок ещё и метнув в него сердитый взгляд.

На развилке Чжао Нин и Чжао Шэн взяли у Чжун Цзыци заработанные за день деньги и отправились домой. Сам же Цзыци направился к себе. Подойдя ближе, он заметил, что ограда вокруг двора уже полностью закончена — высокая, выше человеческого роста. Теперь уж точно никто не сможет просто так проникнуть внутрь. Он остался доволен.

Вспомнив, что ключ остался у Чжао амо, он попросил Чжао Чжэнаня подождать у ворот, а сам отправился за ключом.

Чжао Чжэнань послушно остался стоять у входа. В нём уже не было той прежней растерянности — он знал: его «жена» обязательно вернётся.

Чжун Цзыци зашёл к Чжао Нину, забрал ключ, заодно передал Чжао амо деньги за продукты и оплату рабочим. Перекинувшись парой слов, он поспешил обратно.

Выйдя и направляясь к дому, он поднял взгляд — и замер.

У ворот стояли трое мальчишек лет восьми-девяти. Похоже, они о чём-то разговаривали с Чжао Чжэнанем, а тот в ответ глуповато улыбался, иногда шевеля губами.

Чжун Цзыци немного постоял в стороне, наблюдая. Убедившись, что дети не издеваются над ним, он успокоился и подошёл ближе. На губах его появилась мягкая улыбка, голос прозвучал

тепло:

— Вы пришли поиграть с Чжэнанем?

Все трое были мальчишками — в поношенной одежде с заплатками. Они не испугались Чжун Цзыци, а лишь с любопытством уставились на него. Один из них, пухленький, первым открыл рот:

— Ты — жена этого дурачка?

— Ага. А вы кто такие?

Другой мальчишка, шмыгнув носом, с важным видом заявил:

— Мы — друзья этого дурачка.

Двое остальных тут же расправили плечи, будто подтверждая его слова и демонстрируя свою «верность». От этого зрелища Чжун Цзыци не удержался — прыснул со смеху.

Чжао Чжэнань всё это время украдкой поглядывал на него, боясь, что тот будет недоволен его общением с детьми. Но, увидев улыбку на лице «жены», он и сам невольно расплылся в широкой, глуповатой улыбке.

Чжун Цзыци, всё ещё улыбаясь, покачал головой:

— Ну и хитрецы вы, хоть и мелкие...

Он открыл ворота:

— Заходите.

Чжао Чжэнань первым зашёл во двор, оттащил тележку в угол.

Трое мальчишек переглянулись, потолкались между собой и, подбадривая друг друга, тоже вошли.

Как раз осталось немного фруктовых консервов, которые он привёз сегодня. Чжун Цзыци достал четыре миски и разлил по ним сладкий сироп с кусочками фруктов. Затем, глядя на троих детей, чьи глаза уже сияли от нетерпения, лукаво спросил:

— Хотите?

Мальчишки тут же перевели взгляд с мисок на него. Немного поколебавшись, дружно кивнули.

— Хотите — тогда слушайте меня. Больше нельзя называть его «дурачком», — сказал Чжун Цзыци, указывая на Чжао Чжэнаня. — В моём доме этого слова быть не должно.

— А как тогда называть? — с недоумением спросил один из них.

Они и правда не знали его имени. Раньше Чжао Чжэнань часто уходил на подработки, редко бывал в деревне, да и дети его почти не видели. А когда он стал таким... они просто повторяли за взрослыми — «дурачок».

Чжун Цзыци на мгновение задумался, затем сказал:

— Называйте его... Чжэнань-гэ. А меня — Цзыци-гэ.

Дети переглянулись, потом послушно хором произнесли:

— Чжэнань-гэ, Цзыци-гэ.

Чжао Чжэнань глуповато отозвался:

— Ага...

И снова расплылся в наивной, тёплой улыбке.

От этих мягких, звонких голосов у Чжун Цзыци что-то в груди словно растаяло. Он махнул рукой:

— Ладно, берите — по миске каждому. Съедите — идите играть во двор. Только не деритесь, ясно?

Трое мальчишек и один взрослый — все четверо дружно закивали, схватили миски и с нетерпением выбежали наружу.

Чжун Цзыци остался стоять на месте, покачал головой — и с лёгкой усмешкой, и с бессильной нежностью. Увидев, как один большой и трое маленьких устроились в тени у входа, весело возятся, он не стал им мешать и занялся своими делами.

Сегодня он привёз из городка немало семян. Пока не наступила поздняя осенняя жара, нужно успеть всё высадить — тогда ещё можно будет собрать один урожай. Иначе в этом году им просто нечего будет есть.

Ему совсем не хотелось снова ходить к Ван Цуйхуа и терпеть его косые взгляды — до тошноты противно. От этой мысли у Чжун Цзыци даже мелькнуло какое-то мстительное удовлетворение.

Во дворе один из мальчишек, тот, что выглядел постарше, быстро доел своё угощение. Облизнувшись, он с жадностью уставился на миски остальных, едва не пуская слюни. Он причмокнул, явно завидуя, но, судя по всему, был хорошо воспитан — не стал ни отнимать, ни капризничать.

И всё же — именно такая тихая, послушная жалость трогала сильнее всего.

Чжао Чжэнань съел половину своей порции, заметил, что у мальчика миска уже пуста, и щедро протянул ему свою:

— На, доешь, Сяо Ху.

Мальчик, которого звали Сяо Ху, замялся:

— Ты сам ешь... У нас же у каждого по миске. Это твоя.

Но Чжао Чжэнань упрямо сунул её ему в руки и с искренней, детской простотой сказал:

— Я часто такое ем. Моя жена мне готовит. Так что ты ешь.

Едва он это произнёс, как остальные мальчишки посмотрели на него с явной завистью. Каждый день есть сладкое... это же настоящее счастье. В их семьях сахар появлялся редко — только по праздникам, да и то в малом количестве, чтобы приготовить что-нибудь особенное.

Сяо Ху взял миску. На этот раз он ел медленно, как остальные — маленькими глотками, смакуя каждый кусочек, будто боялся, что удовольствие исчезнет слишком быстро.

На самом деле его звали Чжао Юаньлан — имя звучное, солидное. Его дал дед. А дед у него был не простой — староста деревни. Отец, Чжао Хай, был старшим сыном в семье, и у них был всего один ребёнок — тот самый Сяо Ху. Его баловали, но вместе с тем воспитывали строго. Под влиянием такого воспитания и статуса семьи мальчик рано стал серьёзным не по годам — рассудительным, справедливым, смыслённым. В деревне дети его уважали и не смели задирать. Он умел держать слово, был честен, и, будучи внуком старосты, негласно стал их маленьким «главарём».

Сяо Ху, с наслаждением доедая угощение, вдруг понизил голос и, словно обсуждая секрет, спросил:

— А твоя жена... к тебе хорошо относится?

Стоило Чжао Чжэнаню услышать слово «жена», как он тут же расплылся в глуповато-счастливой улыбке:

— Моя жена — самый лучший! Даёт мне тёплое место жить, кормит досыта... и даже мясо даёт!

Сяо Ху вздохнул с завистью:

— Значит, он и правда к тебе хорошо относится... Когда вырасту, тоже найду себе такого — чтобы хорошо ко мне относился.

Чжао Чжэнань приосанился, довольный до невозможности. Когда кто-то хвалил его «жену», ему становилось так радостно, будто хвалили его самого.

— Чжэнань-гэ, говорят, у вас теперь своё дело? — спросил один из мальчишек.

Это был Эр Чжуцзы. Его отец держал в деревне единственную лавку с тофу — человек он был добрый, а вот его амо хоть и был хитроват, но тоже не злой.

Другого звали Да Бао — он тоже был из простой, честной семьи. Не зря говорят: подобное тянется к подобному — дети выбирают друзей себе под стать.

Чжао Чжэнань с гордостью кивнул:

— Да! А вы откуда знаете?

Да Бао допил сладкий сироп, причмокнул и сказал:

— Да вся деревня уже знает. Только... говорят про вас всякое. И не очень хорошее.

Чжао Чжэнань удивился:

— А что говорят?

.....

Огород у дома Чжун Цзыци находился за постройками. И нет, это не он его разбил — ещё прежняя семья Чжао. Грядки были готовы, но ограда вокруг покосилась, выглядела заброшенной.

Чжун Цзыци, опираясь на смутные воспоминания о сельской работе, принялся за дело: аккуратно выдёргивал сорняки, потом заново формировал грядки. Осталось лишь засеять их — и он поднялся, чтобы принести воды.

Не успел он отойти далеко, как навстречу вышел Чжао Чжэнань.

Чжун Цзыци, не придавая этому особого значения, спросил:

— Чего вышел? А где те мальчишки?

Тишина...

Не услышав ответа, Чжун Цзыци удивлённо поднял голову — и только тогда заметил: лицо Чжао Чжэнаня потемнело от гнева. Его красивое лицо было напряжено до предела, губы сжаты, а взгляд — пристальный, неподвижный, будто он пытался прожечь его насквозь.

У Чжун Цзыци вдруг сбилось дыхание, сердце словно пропустило удар. Но сейчас было не до раздумий. Он поспешно поставил ведро, схватил Чжао Чжэнаня за руки, осматривая его со всех сторон, и встревоженно спросил:

— Что случилось? Вы подрались?

Чжао Чжэнань сжал губы и покачал головой.

— А что тогда? — тревога в голосе Чжун Цзыци только усилилась. — Чего тогда злой?

Так из-за чего же он разозлился?

— Говорят про вас всякое. И не очень хорошее ... — сказал Да Бао.

— Что говорят? — спросил Чжао Чжэнань, искренне не понимая.

Эр Чжуцзы тут же подхватил, передразнивая взрослых:

— Бесстыдный... наверняка крутится вокруг мужиков, соблазняет... распутный...

Чжао Чжэнань растерянно посмотрел на них:

— Что это значит?

Да Бао, почесав затылок, смущённо ответил:

— Я сам не знаю... но это точно что-то плохое.

Сяо Ху знал больше. Пусть он и не до конца понимал слово «распутный», но «соблазнять мужчин» и «бесстыдный» — это были откровенные оскорбления. С серьёзным видом он

объяснил Чжао Чжэнаню смысл услышанного.

И тогда Чжао Чжэнань взорвался.

— Он не такой! Совсем не такой! — выкрикнул он.

Не дожидаясь ничего, он бросил мальчишек и побежал искать Чжун Цзыци. Обежал всё вокруг — но не нашёл. В груди поднялась паника, незнакомая, глухая. Впервые он вышел один за ворота и не знал, куда идти дальше.

И именно в этот момент перед ним появился он — его «жена».

<http://bllate.org/book/16132/1604344>